

А. С. Лызлова
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Представления о пути в иное царство и преодолении границы между мирами в севернорусских волшебных сказках о похищении женщины

Коллизия, связанная с преодолением границы между мирами, широко представлена в волшебных сказках, зафиксированных на всей территории России. Материалом для настоящего исследования послужили тексты, записанные на Русском Севере (в Республике Карелия, Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской и Псковской областях) и опубликованные в сборниках XIX–XXI вв.¹

По справедливому замечанию В. Я. Проппа, композиция любой волшебной сказки основана на пространственном перемещении героя. Большую роль играет уже сам «факт отправки героя в путь»². Вот и в большинстве вариантов сказок, объединенных темой похищения женщины, именно похищение (или исчезновение) героини оказывается главной недостаточей, способствующей развитию действия.

Обычно поиски имеют целенаправленный характер. В путешествие, как правило, отправляются сын (сыновья) или брат (братья), оказавшиеся свидетелями похищения, или же нарушивший запрет муж (в единственном случае – сын³) героини, виновный в сложившейся ситуации. Сюда же примыкают варианты сказок, в которых отец идет проведать своих дочерей, отданных замуж за зооморфных или «природных» персонажей в благодарность за их помощь. (Сюжет, зафиксированный в СУС⁴ под номером 552В=АА *299: *Солнце, Месяц и Ворон – зятья*.)

В ряде случаев, несмотря на то, что произошло похищение (исчезновение), отправка героя в путь может быть мотивирована иными причинами. Так, в текстах указывается, что брату похищенных сестер становится скучно жить, и он едет за невестой или просто путешествовать.

Наконец, в некоторых сказках отправка героя в путь вообще не связана ни с каким похищением. Так, персонаж, имеющий чудесное происхождение⁵ и, как следствие, нередко отличающийся гиперболизированной силой и сверхъестественным аппетитом, вынужден уйти путешествовать. В других вариантах путешествие мотивировано несовместимостью происхождения героя со средой обитания: «И ему (Ивану-медвежьей уши. – А. Л.) уж в мире (т. е. среди людей) не жить. Ну что уж –

звериного поколения, так ему дома не жить. Вот он ушел в лес полесовать» (Балашов, № 55). «Палфил Попович (сын попа и медведицы. – А. Л.) как был человек огромнейший, он хлебов много ел. Они думают с матушкой, поп: „Куда же нам девать такого человека?“» (Никифоров, № 109); и отправляют его на различные задания: сначала «коров караулить» в лесу, потом просить у царя дань за то, что поп ему 25 лет служил. В конце концов Палфил Попович сам уходит.

К этой же группе в некоторой степени примыкают варианты сказок, где сразу три чудесно рожденных брата⁶ (в одном из проанализированных текстов герой, названный «Окати-горошка»⁷, – Карнаухова, № 41) обладают богатырской силой. В волшебной сказке, записанной от М. М. Коргуева, братья отправляются «по белому свету искать себе единщиков», в другом тексте Иван-царевич, Иван-корович и Иван-кухаркин сын идут «по белому свету себя показать и людей посмотреть» (Поморье, № 30). Во многих остальных вариантах царь, узнав про их силу, призывает героев к себе и спустя некоторое время сообщает, что когда-то у него пропали дочери. В этом случае поиски уже имеют целенаправленный характер.

Независимо от изначальной мотивировки путешествия героя (героев), оно всегда направлено в иной мир. При этом «герой не может оказаться в *чужом/ином* мире, не пройдя некоторого *пути* и/или не перейдя некую *черту*»⁸. Путь в этом случае оказывается своеобразным медиатором между мирами⁹. В сказочных текстах он отличается большей или меньшей длительностью¹⁰.

По справедливому замечанию В. Я. Проппа, все развитие в сказке «идет по остановкам, и эти остановки разработаны очень детально»¹¹. Вот и в вариантах, относящихся к теме похищения женщины, такие остановки по пути следования героя в иное царство играют чрезвычайно важную роль.

Большое значение имеют прежде всего встречи с различными персонажами в промежуточных локусах.

Очень часто помощником героя оказывается Баба-Яга (Карнаухова, № 14, № 69; Ончуков, № 167) или заменяющая ее старушка (Балашов, № 7; Коргуев, № 7; Никифоров, № 98, № 131; Пудожье, № 2), бабушка-задворенка (Карнаухова, № 14; Новгородская обл., № 35; Озаровская, № 26; Поморье, № 34). В пределах сказочного текста их может функционировать одна, две или три.

Кроме того, в роли помощника также выступают: «дедка» (12 ставешков, с. 39–52) или старик (Коргуев, № 7; Пудожье, № 2). В единичных случаях встречным оказывается мальчик (Карнаухова, № 39), карлик –

«сам маленький, а борода до самого полу» (Новгородская обл., № 35) или «какой-то человек», проходивший мимо (Заонежье, № 33). Эти персонажи сообщают герою, как добраться до нужного места, или же одаривают его особыми «указателями».

Самым распространенным таким «указателем» оказывается клубочек. Он фигурирует в подавляющем числе вариантов и лишь иногда заменяется эквивалентными предметами, которыми являются яйцо или колечко. Эти предметы отличаются способностью свободно катиться. Вообще же с данными образами (прежде всего с клубком) связано понятие о нити жизни, о судьбе; они заменяют дорогу. Упомянутые «указатели» приводят героя к границе между мирами.

Стоит отметить, что в некоторых сказках в ходе повествования вводится эпизод с двумя или тремя дерущимися лешими (Вологодская обл., № 9; Заонежье, № 48), лесовиками (Ончуков, № 167), чертями (Господарев, № 8; Пудожье, № 2), «косматыми» (Никифоров, № 98), которых путешествующий встречает на своем пути. Благодаря своей хитрости он становится обладателем таких чудесных предметов, как: дубинка-вязок (Пудожье, № 2), дубинка-драчунья (Никифоров, № 98), драчун-дубинка (Господарев, № 8); шапка-невидимка (Господарев, № 8; Никифоров, № 98; Пудожье, № 2), шляпа-невидимка (Заонежье, № 48); скатерть (Заонежье, № 48), скатерть-самобранка (Вологодская обл., № 9), скатёрка-хлебосолка (Никифоров, № 98); ковёр-самолет (Вологодская обл., № 9; Господарев, № 8); сапоги-самоходы (Заонежье, № 48); кот-бархот (Ончуков, № 167). В пределах одного варианта фигурируют два или три предмета. Эти вещи помогают путешествующему добраться до иного мира, вызволить героиню из заточения и расправиться с похитителем.

В редких случаях по пути в иной мир герой добывает яйцо, в котором заключена смерть Кошья Бессмертного (Господарев, № 8; Никифоров, № 98; Поморье, № 34). Вообще же поиски заветного яйца в сказках обычно происходят после того, как герой найдет похищенную, и она узнает у похитителя тайну его смерти.

Во время путешествия к персонажу, имеющему непременно чудесное происхождение, могут присоединяться один, два или три различных спутника: Горыня-богатырь и Дубина-богатырь (Соколовы, № 105); Горник и Дубник (Никифоров, № 109); Дубовик и Лесовик (Балашов, № 55); Ровнигор-богатырь и Усыня-богатырь (Карнаухова, № 41); Горокат и Девятьпұл (Ончуков, № 34); Дубыня, Усыня и Горыня (Заонежье, № 33); Дубыня, Горыня и Усыня (Коргуев, № 11); один человек «лес переносит с места на место», другой «горы перекачивает», а третий «воду переливает» (Поморье, № 54), что служит знаками-символами преодоления границы: леса, горы,

воды. В одном из проанализированных вариантов путешествующим братьям (Ивану Вечеру, Ивану Полуночнику и Ивану Зорянину) компанию составляет «Карла Кутузов» (Ленинградская обл., № 17). В тексте из сборника Н. А. Иваницкого к отправившимся по белому свету Горыне и Коромыслу присоединяется Иван-богатырь (№ 631).

По пути следования перечисленных персонажей¹², как правило, встречается дом (Пудожье, № 8; Карнаухова, № 41; Коргуев, № 11); «ветхий домишка» (Иваницкий, № 631); избушка (Балашов, № 55; Иваницкий, № 623; Никифоров, № 109); изба с двором (Поморье, № 54); «двор обширной» (Поморье, № 35), «хоромы» (Соколовы, № 105), дворец (Ленинградская обл., № 17). Постройка очень часто имеет признаки чьего-то проживания: «от избушки куда-то идет дорога, кто-то живет в этой избушке» (Балашов, № 55); «дом пустой стоит, а скота много» (Карнаухова, № 41); «у этой избушки ходило очень много быков» (Никифоров, № 109); «полный дом валов (коров по-нашему)» (Соколовы, № 105); «полной двор это скота» (Поморье, № 35); «быков полный двор» (Поморье, № 54); «во дворе есть волю» (Коргуев, № 11); «полный двор коров» (Ленинградская обл., № 17). В связи с этим герои решают остаться жить в доме и убивают животных себе на еду. В определенный момент появляется хозяин дома, которым чаще всего оказывается старичок (мужичок) с ноготок, борода с локоток. В единственном случае избушка принадлежит Бабе-Яге (Балашов, № 55). Указанные персонажи требуют, чтобы их накормили едой, приготовленной из быков, и впоследствии избивают поочередно находящегося в избушке героя. Когда хозяин дома появляется в третий раз, то борется с Иваном Сосновичем (Поморье, № 54; Коргуев, № 11), Палфилом Поповичем (Никифоров, № 109), Иваном-медвежьи уши (Балашов, № 55; Соколовы, № 105), Сучьим-рождением (Иваницкий, № 623), Иваном Зоряниным (Ленинградская обл., № 17), младшим братом Иваном (Поморье, № 35), которые оказываются сильнее его. Однако персонажу-антагонисту удается сбежать. По его следу герои приходят к границе между мирами.

Недалеко от избушки находится, как правило, вход в нижний (подземный) иной мир. (В одном из рассмотренных вариантов хозяин дома скрывается в подполье (Никифоров, № 109).) Этот вход в текстах представлен в виде отверстия или углубления в земле: яма (Иваницкий, № 631; Поморье, № 54), нора (Балашов, № 55; Смирнов, № 11), обрыв (Никифоров, № 36), «дыра в землю» (Афанасьев, № 128; Заонежье, № 33), пропасть (Иваницкий, № 623; Поморье, № 30), подземный ход (Иваницкий, № 623). Его иногда прикрывает плита (Поморье, № 35) или же большой камень (Афанасьев, № 128; Иваницкий, № 631), «камень большаханской»

(Смирнов, № 11). В некоторых сказках подчеркивается, что само отверстие глубокое (Ончуков, № 34; Поморье, № 54), бездонное (Иваницкий, № 631).

Чтобы спуститься туда, герои используют специальные средства. Чаще всего они режут ремни и вяжут веревки из шкур быков, содержащихся на дворе. В одном из вариантов в качестве материала используется шкура медведя (Иваницкий, № 623). Помимо этого, приспособление может создаваться следующим способом: «Вот и стали они плести верёвку из елей, целый лес исплели на сотню верст, а конец верёвки все-таки до дна не достал. Тогда они приплели свою одежду и даже сапоги» (Иваницкий, № 631); «стали они с дерева лыко рвать, да вязку делать» (Ончуков, № 34); «Пошли в лес они, нарвали коренья, берёсты, всего» (Балашов, № 55). Иногда к веревке прилагается «вроде люльки ящик», в котором герой опускается вниз (Поморье, № 35). Он может проникать под землю как самостоятельно, так и при помощи своих спутников.

Мотивировкой путешествия в подземный мир оказывается желание узнать, куда же пропал хозяин избушки и что там такое находится. Уже во время своего пребывания здесь герой встречает похищенных женщин и освобождает их из заточения. Стоит отметить, что похитителем в этом случае является персонаж, которому принадлежит избушка, лишь в единичном случае встреченные девушки подверглись похищению со стороны Кощея Бессмертного (Поморье, № 35).

В одном из рассмотренных вариантов Иван-корович преодолевает границу между мирами благодаря братьям (Ивану-царевичу и Ивану-кухаркину сыну), которые бросают его сонного в пропасть «из-за корысти ради», так как он спас дочь царя, предназначенную чуду-юду на съедение, за что царь пообещал награду – полцарства и дочку замуж (Поморье, № 30).

Граница, соответствующая вертикальной модели мироздания, может в сказках отделять «этот свет» не только от нижнего, но и от верхнего иного мира.

В качестве такой преграды между мирами в большинстве из рассмотренных нами вариантов выступает гора. Ее эквивалентом в одном из текстов является большой вал (Новгородская обл., № 35). В сказках нередко подчеркивается высота данной преграды: это «такая гора, что и не видно ей конца. И под облак по самой» (Никифоров, № 131); «великая гора» (Никифоров, № 79); «высокая гора» (Карнаухова, № 14); «Боже упаси – гора!!» (Соколовы, № 79). Иногда даются некоторые сведения о характере ее склона: «гора крутая» (Соколовы, № 79); «гора очень крутая» (Пудожье, № 8); на нее «не попасть не пешому, не конному» (Смирнов,

№ 31); «такая крутая гора, что взлести на ней никак нельзя» (Коргуев, № 12); «влезти на гору никак <...>, потому как очень крутая» (Соколовы, № 153).

В одной из сказок эта преграда именуется «Вехоревы горы» (Озаровская, № 26): именно там «Вехорь Вехоревич» прячет похищенную героиню.

Несмотря на очевидную неприступность, подняться на гору возможно при помощи специальных средств. В нескольких вариантах таким средством оказывается лестница (Новгородская обл., № 35; Никифоров, № 79; Карнаухова, № 124). Этот образ подробно рассматривается в недавно вышедшей статье¹³, где Н. А. Криничная приводит различные лингвистические версии происхождения слова и образа¹⁴. Кроме того, в работе упоминается архетип древнейшей лестницы – суковатое дерево, появляющееся в одном из причитаний¹⁵. В рассматриваемых нами волшебных сказках такая лестница уже модифицирована: она железная.

Еще одно возможное приспособление, с помощью которого можно залезть на рассматриваемую вертикальную преграду, – «коготы» (когти) (Соколовы, № 79) или «нёгти» (ногти), надевающиеся на ноги и на руки (Карнаухова, № 14). Они позволяют «цепляться и удерживаться на крутом склоне»¹⁶.

Наиболее часто на гору можно подняться, используя цепь, к концу которой прикреплен якорь (Пудожье, № 8; Карнаухова, № 41; Коргуев, № 12), крюк (Смирнов, № 31; Соколовы, № 153) или же «хлуп»¹⁷ (Озаровская, № 26). В одном из проанализированных вариантов указывается, что длина цепи составляет 300 саженей (Озаровская, № 26), т. е. примерно 640 м, ведь сажень равна 2,13 м. (Здесь, как нам представляется, также подчеркивается высота горы.) В нескольких сказках сообщается и вес цепи, хотя единства в этом нет: 30 пудов (Озаровская, № 26) и 1000 пудов (Соколовы, № 153). Учитывая, что пуд равен 16,3 кг, вес цепи составляет соответственно 489 кг и 16,3 т.

В одном из рассмотренных текстов (Ленинградская обл., № 17) вместо цепи выступает веревка, которую герои (Иван Зорянин, Иван Вечер, Иван Полуночник и Карла Кутузов) свили самостоятельно, правда, не указывается, из чего¹⁸. К концу веревки они привязали большой камень, который нужен, чтобы зацепить ее за вершину горы.

Стоит отметить, что все эти приспособления могут находиться в непосредственной близости от преграды. Характерны и ситуации, когда герои заранее обеспечиваются ими или же создают их, достигнув рассматриваемой границы между мирами.

Примечательно, что у подножия горы нередко решается, кто отправится на нее. Как правило, таким персонажем оказывается самый силь-

ный, самый бесстрашный среди путешествующих. Лишь в одном из рассмотренных вариантов все три брата одновременно поднимаются на вершину (Коргуев, № 12).

Гора в сказках может быть не только вертикальной границей между этим и иным (верхним) мирами, она оказывается и своеобразным элементом ландшафта, возвышенностью. Так, в одном из проанализированных вариантов это препятствие возникает в подземном мире: «идет, идет, идет (Иван-корович. – *А. Л.*) и видит замок на горе, громаднейший замок» (Поморье, № 30).

В некоторых волшебных сказках расположение верхнего иного мира связано с деревом. На нем обычно обитает орнитоморфный похититель (Ворон). Отец, отправившийся проведать дочь, отданную замуж за Ворона, попадает на дерево с помощью зятя: «Он подхватил тестя – и на дуб, а там целое житье» (Поморье, № 35); «Ворон Воронович свел старика спать на суковатую ель» (Ленинградская обл., № 12). Или же герой сам забирается на него: «Он (старик) взял старуху, посадил в мешок, взял мешок в зубы и поставал на ель» (Никифоров, № 37). В этом же тексте есть, как нам представляется, некоторое указание на высоту дерева: «А старуха в мешку говорит: „Скоро ли?“ А ему сказать некак, что мешок в зубах. Она второй раз опять кричит: „Скоро ли?“ Старик и говорит: „Скоро!“ Мешок с зубов вылетел, и старуха оборвалась с ели на зень и убилась».

Помимо деления мира по вертикали, в сказках, объединенных темой похищения женщины, отражается также горизонтальное членение. В данном случае мы имеем дело с потусторонним миром, который располагается, по-видимому, на одном уровне с этим миром. Иное царство понимается как некая «далекая земля».

Границей, отделяющей иной мир от мира этого, оказывается чаще всего водное пространство (море). Чтобы преодолеть его, также используются специальные средства. Обычно герой достигает нужного места на корабле. (Такой способ преодоления преграды характерен для волшебных сказок на сюжет 301D* *Солдат находит исчезнувшую царевну.*) В тексте из сборника И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» (№ 69) преодоление границы между мирами описывается следующим образом: «Шол-шол и дошел до моря. Море – грозно! Тут советник и говорит: „Иван-богатырь, вылей капельки“. Он вылил, и вдруг ла дё й ка до него. Он сел, переехал и пошол».

Эквивалентом возможного «плавсредства» в текстах оказывается кит (Поморье, № 34), а также кот-бархот (Ончуков, № 167). Кроме того, герой может преодолевать указанное препятствие по воздуху,

используя ковер-самолет (Господарев, № 8) или Сивку-бурку (Никифоров, № 98).

В одном из проанализированных вариантов в качестве водной преграды выступает «озеро, небольшая речка» (Никифоров, № 37). Здесь старик-отец, отправившийся вместе с женой проведать дочь, преодолевает препятствие следующим способом: «Постлал на воду свою шубу, со старухой сели на шубу и переехали через озёрко». Примечательно, что похитителем в этом случае является Солнце, локализованное за горизонтом.

В сказке, записанной от М. М. Коргуева (№ 8), Иван-царевич, разыскивающий похищенную Кошеем Бессмертным жену, приходит «к одному глубокому ручью и нацинает переходить ёго черезь. И упал в этот ручей, и долго он в этом ручье тонул, и упала у нёго торбочка, и кольца и все вещи (подарки зооморфных зятьев и сестер. – *А. Л.*), только он вышел на сушу».

Еще одна водная преграда, через которую может пролетать путь героя, — это болото (Коргуев, № 8). В единичном случае в нем находится центр иного мира: «Вот доехали они (Иван-царевич и Орон-Верный. – *А. Л.*) до болота. В болоте стоит каменный дом», в котором Кошей Бессмертный держит в заточении похищенную Марфу Прекрасную (Карнаухова, № 141). Для преодоления этой границы какие-либо специальные средства не нужны, только особый способ продвижения: «Они пошли по болоту ползунком да катком» (Карнаухова, № 141). В сказках подчеркивается, что герои затрачивают очень много физических сил. Кроме всего прочего, болото тесно связано с лесом, который тоже оказывается своего рода преградой. При этом лес является местом, где обитают различные зооморфные и «природные» похитители (сюжеты 311 *Медведь (леший, чародей, разбойник)* и *три сестры*, 552А=АА 552 *Животные-зятья*, 552В=АА *299 *Солнце, Месяц и Ворон – зятья*, 650А *Иван медвежье ушко*).

Итак, в определенный момент повествования герой, преодолев все преграды, оказывается в ином мире¹⁹.

При изображении потустороннего мира в сказках нередко дается определенная социальная характеристика, т. е. упоминаются различные «виды и элементы поселений, общественные учреждения»²⁰, которые локально ограничены. При этом иной мир обычно именуется царством или государством, иногда – городом (Карнаухова, № 169), селом (Ончуков, № 78), территорией (Коргуев, № 7). Его центром, местом, где находится похищенная героиня, в большинстве сказок оказывается определенное строение: изба, «хатка», «халупочка», квартира, «хоромина», «фатера», дом, терем, замо́к или дворец.

Эти постройки также имеют своеобразные границы: стену (Никифоров, № 98; Соколовы, № 105), ограду (Никифоров, № 98, № 131), ворота

(Господарев, № 8; Карнаухова, № 89, № 124; Никифоров, № 131; Соколовы, № 153), забор из кольев, на которых нанизаны человеческие головы (Озаровская, № 26).

В некоторых вариантах сказок в качестве «живой» преграды у строений используются различные животные (как дикие, так и домашние) и даже птицы: собаки и быки (Никифоров, № 131); львы (Карнаухова, № 14, № 124); львы и тигры (Карнаухова, № 14); «страшные львы, злые тигры и лихие жеребцы» (Коренной, № 15); змеи (Никифоров, № 98; Пудожье, № 2); гуси (Ленинградская обл., № 17). Число их, как правило, увеличивается при путешествии от одного дворца или замка к другому. Эти животные пропускают героя после того, как он поит их водой (Карнаухова, № 14; Никифоров, № 131; Новгородская обл., № 35) или кормит хлебом (Коренной, № 15), мясом (Карнаухова, № 124), «жаркими» (Коренной, № 15), овсом (Коренной, № 15). Гуси замолкают после того, как Иван Зорянин вызывает шею шелковым платком старшему из них (Ленинградская обл., № 17). В некоторых случаях герой преодолевает эту «живую» границу, используя волшебные средства: проходит мимо них в шапке-невидимке (Никифоров, № 98), убивает с помощью дубинки (Пудожье, № 2).

Итак, попадая в иное царство, он продолжает свое путешествие, которое обычно заканчивается вызволением плененной героини. При этом пребывание освободителя в ином мире носит временный характер.

Что же касается рассмотренных в работе способов преодоления преград, то, как убедительно доказывает В. Я. Пропп в главе «Переправа» неоднократно упоминавшейся работы, все они «идут от представлений о пути умершего в иной мир, а некоторые довольно точно отражают и погребальные обряды»²¹. При этом в волшебных сказках, объединенных темой похищения женщины, отражаются не только представления о вертикальном членении мира, о котором говорит Т. В. Цивьян²², но также и о горизонтальной модели вселенной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Великорусские сказки архива Русского географического общества: Сб. А. М. Смирнова. СПб., 2003. Кн. 1 (далее – *Смирнов*); Коренной П. Заонежские сказки. Петрозаводск, 1918 (далее – *Коренной*); Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 томах. М., 1957. Т. 1, 2 (далее – *Афанасьев*); Озаровская О. Э. Пятиречье. СПб., 2000 (далее – *Озаровская*); Перстенок – двенадцать ставешков (Избранные русские сказки Карелии). Петрозаводск, 1958 (далее – *12 ставешков*); Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии. Вологда, 1960 (далее – *Иваницкий*); Русские народные сказки Карельского Поморья. Петрозаводск, 1974 (далее – *Поморье*); Русские народные сказки Пудожского края. Петрозаводск, 1982 (далее –

Пудожье); Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. М.; Л., 1961 (далее – *Никифоров*); Северные сказки: Сб. Н. Е. Ончукова. СПб., 1909 (далее – *Ончуков*); Сказки Ф. П. Господарева. Петрозаводск, 1941 (далее – *Господарев*); Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986 (далее – *Заонежье*); Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955 (далее – *Вологодская обл.*); Сказки и предания Северного края / Записи, вступит. статья и коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л., 1934 (далее – *Карнаухова*); Сказки Карельского Беломорья: Сказки М. М. Коргуева. Петрозаводск, 1939. Т. 1. Кн. 1, 2 (далее – *Коргуев*); Сказки Ленинградской области. Л., 1976 (далее – *Ленинградская обл.*); Сказки Терского берега Белого моря / Изд. подготовил Д. М. Балашов. Л., 1970 (далее – *Балашов*); Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского уезда. М., 1915 (далее – *Соколовы*); Традиционный фольклор Новгородской области. СПб., 2001 (далее – *Новгородская обл.*).

² Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005. С. 32.

³ Вологодская обл., № 9.

⁴ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. 1979.

⁵ Иван-сосновец (Поморье, № 54), Иван Соснович (Коргуев, № 11); Иван-Ветер (Карнаухова, № 42).

⁶ Они имеют имена: Вечер, Полночь, Зорька (Пудожье, № 8); Вечер-Молодец, Полночь-Молодец, Зорька-Молодец (Коргуев, № 12), Иван Вечер, Иван Полуночник, Иван Зорянин (Ленинградская обл., № 17).

⁷ Вообще же персонаж с именем «Покатигорошек» является обычно братом, который имеет чудесное происхождение и рождается после похищения героини.

⁸ Цивьян Т. В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 198.

⁹ Там же. С. 199.

¹⁰ См. об этом подробно: Пропп В. Я. Указ. соч. С. 32–35; Трубецкой Е. Иное царство и его искатели в русской народной сказке. М., 1922; Цивьян Т. В. Указ. соч. С. 199.

¹¹ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 33.

¹² В одном из вариантов путешествуют три брата-царевича: Василий, Григорий и Иван (Поморье, № 35).

¹³ Криничная Н. А. Лестница: к проблеме морфологии фольклорного мышления (по материалам мифологических рассказов и поверий) // Лингвофольклористика на рубеже XX–XXI вв.: итоги и перспективы. Петрозаводск, 2007. С. 169–178.

¹⁴ Там же. С. 173–174.

¹⁵ Там же. С. 172.

¹⁶ Елеонская Е. Представление «того света» в русской народной сказке // Этногр. обозр. 1913. № 3–4. С. 52.

¹⁷ По всей видимости, это тоже что-то вроде крюка; то, чем можно зацепиться.

¹⁸ Герои создают веревку во дворце у мужичка с ноготка, о котором речь шла ранее. Возможно, в сказке уже утрачен эпизод с волами.

¹⁹ Этот образ заслуживает отдельного рассмотрения.

²⁰ См. об этом: Цивьян Т. В. Указ. соч. С. 193, 194.

²¹ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 171.

²² Цивьян Т. В. Указ. соч. С. 200.